

МЕЖДУНАРОДНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖАЗОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

весь оркестр и зал вместе поют «Раскинулось море широко», понимаешь, что дело тут не только в джазе. Это музыка, которая стала частью нас самих.

Долгое время джаз считался элитарным искусством. Сегодня это представление изменилось?

На Санкт-Петербургский джазовый фестиваль ежегодно приходят около двухсот тысяч зрителей. Можно ли после этого назвать джаз нишевой музыкой? Думаю, уже нет. Вообще джаз перестал быть просто музыкой. Он стал пространством. В этом пространстве каждый находит что-то свое. Кому-то интересен авангард, кому-то — традиционный свинг, кто-то приходит потому, что это модно, а кто-то — потому что друзья пригласили. Но слово «джаз» сегодня уже означает не что-то закрытое и элитарное, а место, где человеку хорошо и куда хочется возвращаться.

Как вы выстраиваете программу такого большого фестиваля? Есть ли формула: сколько должно быть звезд, сколько молодых музыкантов, сколько премьер?

Для нас очень важно, чтобы в программе фестиваля были премьеры. В этом году на открытии прозвучала новая программа Сергея Мазаева и Московского джазового оркестра. Кстати, именно Мазаев когда-то убедил Игоря Бутмана создать джазовый оркестр. На закрытии, как я уже сказал, состоялась петербургская премьера спектакля «Леонид Утесов. Спасибо, сердце!». В Юсуповском саду впервые была представлена программа Аглаи Шиловской и LRK Trio и прошел первый в России концерт легендарного Николаса Пэйтона — обладателя премии «Грэмми», одного из самых ярких современных джазовых музыкантов.

Вообще успешность фестиваля мы измеряем не только количеством звезд, но и количеством новых проектов, которые рождаются благодаря ему.

У КАЖДОГО КРУПНОГО РОССИЙСКОГО города есть своя джазовая специализация. Екатеринбург тяготеет к фьюжену, Петербург скорее хранитель традиции. Москва — это территория современных поисков и экспериментов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДЖАЗОВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Многие международные фестивали, которые раньше приглашали в основном европейских артистов, стали искать новые маршруты, открывать для себя новые, иногда неожиданные страны. И оказалось, что там существует огромный интересный мир. У вас происходит что-то похожее?

Абсолютно. Если раньше Московский джазовый оркестр регулярно гастролировал в США, Европе, Австралии, Индии, то сегодня для нас открылись совершенно новые направления: Таиланд, Китай, Куба, Бразилия, Никарагуа. Каждая из этих стран — отдельная музыкальная цивилизация, огромный пласт культуры, о котором мы раньше знали не так много. Очень показательна история с Южной Африкой. В прошлом году квартет Игоря Бутмана впервые выступил на Кейптаунском джазовом фестивале. Мы понимали, что знаем несколько имен, например Хью Масекелу, Абдуллу Ибрагима, но, оказавшись там, увидели невероятно богатую и самобытную сцену. В этом году мы уже приехали туда с Московским джазовым оркестром — и организаторы назвали наше выступление одним из главных событий фестиваля. Это было очень приятно.

А как изменилась международная программа самого фестиваля? Сегодня зарубежных артистов приглашать сложнее?

Конечно, ситуация изменилась. Но мы много ездим, слушаем музыку, знакомимся с артистами. Многие идеи рождаются у Игоря Бутмана именно во время таких поездок.

Кроме того, мы внимательно следим за тем, что происходит в мировом джазе. Например, на Московский джазовый фестиваль приезжают музыканты из самых разных стран, а конференция Jazz Across Borders собирает представителей индустрии более чем из двадцати государств, в том числе тех, с которыми раньше у нас практически не было контактов. Мы видим, что происходит встречное движение: не только мы открываем для себя новые страны, но и они открывают Россию.

Европа постепенно возвращается?

Музыканты — да. Мы, как правило, работаем напрямую с артистами. Некоторые, например артисты из США, опасаются реакции у себя на родине. → 18